## Академическая трибуна

**Г. В. Мальцев**

# Справедливость возмездия и воздаяния: ретрибутивный подход

*Мальцев Геннадий Васильевич* — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий кафедрой теории государства и права Юридического факультет им. М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail : maltzev@ur.rags.ru).

**Аннотация.** В статье обосновывается понимание справедливости в современном обществе как меры соответствия действий индивида в пользу или во вред обществу (другим лицам), их ответным действиям.
**Ключевые слова:** воздаяние, возмездие, право, справедливость.

Современная теория справедливости, из которой люди могли бы уверенно извлекать принципы поведения, обеспечивающие бесконфликтную, малоконфликтную или, по крайней мере, свободную от антагонизмов, общественную жизнь, не сложилась. Этого до сих пор не произошло, хотя с древнейших эпох человечество затрачивало колоссальную умственную энергию на поиск идей справедливого устройства общества, и при этом оно многого добилось, получив опыт нормативно-ценностного мышления, умения противопоставить грубой действительности (тому, что есть) некое долженствование, иначе говоря, то, что должно быть правильным и справедливым.

Нынешние знания человека о справедливости, добытые методами научного, нормативно-ценностного, телеологического и иного постижения реального мира на путях его материального и духовно-религиозного освоения, поразительно глубоки и разносторонни. Но они не складываются в единую целостность, из них трудно создать последовательную теорию, способную служить существующим социальным установкам, оправдывать политические цели, легитимировать средства достижения последних. Когда политики самоуверенно

обещают людям справедливость, то, кто бы они ни были, деспоты Древнего Востока либо лидеры современных европейских политических партий, они вряд ли понимают свою роль в действительном историческом процессе достижения справедливого порядка вещей. Он устанавливается не стараниями отдельных лиц или социальных групп, а в результате длительного действия множества объективных и субъективных факторов общественного развития, на которые люди могут воздействовать в меру своих способностей и желаний.

На протяжении последних столетий наши представления о справедливости развивались неравномерно, многие направления соответствующей теории со времён Аристотеля продвигались медленно либо вовсе оказались забытыми. Например, справедливость общечеловеческая, интергенерационная, исторически связывающая поколения людей отношениями, которые позволяют говорить в определённом смысле о единстве человечества. Согласно этому виду справедливости, каждое предшествующее поколение должно ради продолжения рода человеческого поставить на ноги последующую генерацию, своих детей и внуков, воспитать, дать им, не считаясь с трудами и затратами, порою в ущерб себе, всё, что нужно для будущей лучшей жизни. Человечество как всемирно-исторический проект существует и сохраняет шансы на выживание, пока оно выполняет начертанный самой природой справедливый закон, суть которого — забота о будущих поколениях людей. Каждый народ, точнее, живущие люди, представляющие в данный момент этот народ, обременён историческими обязательствами перед своими предками и особенно потомками, в будущее которых он должен много и бескорыстно вкладывать. Древний человек считал своими соплеменниками не только живущих братьев и сестёр, но и давно умерших родичей, испытывал безграничную солидарность с теми своими потомками, которые ещё не родились. Подготовить им хорошее место в мире — это была его священная обязанность. С помощью множества институтов (культа предков, жертвоприношений, тотемов, общественного воспитания молодёжи, неотчуждаемости земель, пастбищ, рек, водных ресурсов и т. п.) поддерживалась и подтверждалась идентичность социальной группы как исторической единицы.

В цепи межгенерационных связей каждое поколение что-то даёт и получает, здесь именно и встаёт вопрос о справедливости. Получить оно должно от своих предков, отцов и дедов, — экономику на соответствующем уровне развития, природу в сохранном виде, естественные ресурсы, в том числе и невозобновляемые, необходимый массив знаний о мире, материальную и духовную культуру, национальные и религиозные традиции. Но всё это надо по справедливости отдать, вернуть последующему поколению в усовершенствованном виде. Характеризуя тип общения между «целыми чередующимися поколениями», В. О. Ключевский писал: «Это и есть историческое преемство. Оно состоит в том, что достояние одного поколения, материальное и духовное,

передаётся другому. Средствами передачи служат наследство и воспитание»[1]. Так продолжается культурно-историческая «эстафета поколений», которая начиналась в первобытную эпоху. Но, может быть, эта атавистическая форма справедливости больше не нужна человечеству? Может быть, цивилизация дала отдельному человеку или отдельному народу право жить только для себя, удовлетворять потребности любым способом, независимо от последствий для будущего? Вместо ответа достаточно сослаться на нынешний глобальный кризис в мире, многие симптомы которого свидетельствуют об утрате важных жизненных перспектив человечества. Современные общества с капиталистической экономикой и гедонистической культурой сегодня живут за счёт будущих поколений, которые, судя по всему, унаследуют тяжелейшие или просто неразрешимые социальные, экологические, гуманитарные и иные проблемы. Кто живёт по принципу «после нас хоть потоп», уже заявляет себя устроителем этого «потопа». Дело дошло до того, что подготовка молодёжи к будущей жизни, её образование и профессионализация все в большей мере становятся объектом коммерциализации, сопровождается отказом от принципов справедливости в отношению между поколениями. Предчувствие грядущей беды, которая коснётся всех людей, а не отдельных групп и отдельных индивидов, видимо, вызывает ту нервозность и тревогу, с которой обсуждаются ныне проблемы образования. Как бы то ни было, но на фоне всей человеческой истории платное обучение, знания в обмен на деньги есть своего рода «смертный грех человечества», за который поплатятся будущие поколения.

В XX веке на взлёте экономики потребления интерес к социальной справедливости ограничивался проблемами распределения ресурсов, финансов, материальных и духовных благ, заработков и доходов. К этому периоду относится появление ряда крупных распределительных (дистрибутивных) теорий справедливости, многие из которых переросли рамки экономического учения, составили довольно значительное направление социальной, нравственной и правовой философии (Дж. Ролз, Р. Нозик и др.). Дистрибутивный подход к социальной справедливости помог представить многие стороны общественной жизни в нормативном измерении, укрепил мысль о том, что распределять что-либо по праву можно лишь при наличии единых критериев, масштабов, признаваемых в качестве таковых если не всем обществом, то хотя бы наиболее влиятельной его частью. Тема социальной справедливости в прошлом веке ставилась преимущественно в плане распределения и поиска дистрибутивных критериев. На фоне относительного продвижения данной темы очевиден некоторый застой в выработке философских и иных знаний о справедливости воздающей или, как её часто называют, справедливости ретрибутивной, контролирующей обширную сферу человеческих взаимодействий, где люди творят добро или зло в ответ на соответствующие, добрые или злые, поступки, совершенные в отношении их другими людьми. Ретрибутивный, как и дистри-

[1] *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Сочинения в 9 т. Т. 1. — М. , 1987. — С. 41.

бутивный, подход восходит к общим началам справедливости, которые были намечены ещё Аристотелем. Оба подхода необходимы для построения теории социальной справедливости, в рамках которой они выступают в определённом соотношении, дополняя и переходя друг в друга. Каждый из них своеобразно выражает ту или иную функциональную зависимость (эквивалент, пропорцию, соразмерность) между тем, что отдельный человек или иной социальный субъект даёт обществу и другим субъектам, и тем, что он от них получает. Человек извлекает из общественного оборота материальных и духовных благ нечто соразмерное тому, что он сам в него вкладывает. Именно дистрибутивная справедливость (распределительный аспект справедливости) обеспечивает соответствие меры вклада человека в определённую систему распределения благ, прежде всего, экономическую, и меры получений из данной системы (заработков, доходов, услуг, прибылей и т.п.). Дистрибутивная ситуация выстроена как вертикальная связь центра (дистрибутора), находящегося как бы сверху, с теми, но кого простирается его влияние или власть: например, связь правительства и граждан, директората и работников фирмы, лидеров партий и её рядовых членов, администрации учреждения и служащих, учителя и учеников, врача и пациентов, родителей и детей. В такого рода ситуациях актуализируется вопрос о характере обращения с людьми в процессе распределения благ и ценностей. Теории справедливости, как правило, ставят себе задачу предписывать дистрибутору принципы поведения по отношению к участникам распределительной ситуации.

Ретрибутивная справедливость означает меру соответствия действий субъекта в пользу или во вред обществу и другим лицам с ответными действиями последних. Если за исходное взять действующее лицо, то имеется в виду соразмерность подвига и награды, трудовых усилий и вознаграждений за труд, преступления и наказания, проступка и санкций. Принципы ретрибутивизма положены в основу справедливости вознаграждения и справедливости наказания, формул обращения с людьми типа «воздай каждому за доброе дело добром по мере его добра» и «воздай каждому за злое дело злом по мере его зла». Ретрибутивные связи могут быть горизонтальными (между равными субъектами) и вертикальными — за подвиг человека награждает государство, за преступление наказывает суд. При этом немаловажно, что ретрибутивные элементы, например, вознаграждения, производят дистрибутивный эффект, увеличивая сумму получений индивида в системе распределения, улучшая его статус в этой системе. Общее, что связывает дистрибутивную и ретрибутивную части социальной справедливости, состоит в том, что в их основании находятся парадигмы обмена и обменных отношений, эквивалентность, равенство и неравенство. Идея справедливости, выраженная в праве, связана с необходимостью возможно более точно определить получения и вклады действующего субъекта в общественную систему, индивидуализировать его статус, чётко связать вознаграждения с его заслугами в добром деле, а нака-

зания — с виной в совершении проступков и преступлений. Вот почему справедливость — это не только этическая ценность, о которой мы привыкли говорить с пафосом, но и чуть ли математическая категория в том смысле, что она требует меры, измерений, сопоставлений, исчислений, статистики и делового расчёта. Цифры, таблицы, диаграммы, касающиеся динамики материальных и духовных благ в обществе («общественного обмена веществ») могут сказать о социальной справедливости больше, чем напыщенная риторика в духе современных политиканов.

Большинство исследований в области ретрибутивной справедливости ограничиваются рамками судебной деятельности с её функциями применять санкции к правонарушителям, назначать наказания лицам, совершившим преступления. В действительности сфера действия ретрибутивных принципов намного шире, она там, где существует необходимость «воздать каждому по делам его», ответить добром на добро, покарать зло злом («подобное лечится подобным»). И, конечно, суд, древнейшее учреждение в истории человечества, выступает испытанным орудием возмездия лицам, преступные действия которых подрывали установленную систему отношений. Но представления о возмездии и воздаянии возникли, видимо, задолго до появления судов и других карательных органов древности. Суть возмездия, постигнутая уже в глубокой древности, заключена в том, что к человеку возвращается эффект действия (в натуральном либо эквивалентном виде), которое он совершает в отношении других. Если кто-то причинил страдание ближнему, то возмездие означает возврат страдания к нему самому, если же он принёс другому благо, то возмездием (воздаянием) ему тоже будет благо. В природе человека, коллективном сознании (и в коллективном бессознательном, по Юнгу) присутствует ярко выраженная склонность людей отвечать добром на добро, и злом на зло. Общая формула возмездия «добро за добро — зло за зло» и соответствующее этическое требование «воздай доброму добрым, а злому — злым» кому-то могут показаться примитивными, а ко всему примитивному многие люди в наше время привыкли относиться с известным пренебрежением. Следует, однако, помнить, что в жизни всё начинается с простого и простейшего, что их значение с достижением сложности жизненных процессов не снижается. То, что примитивно не обязательно неверно или непригодно для дела. Пока наше мировоззрение зиждется на вере в добро и неизбежность поражения зла указанная выше формула не утратит своего значения. Вся человеческая культура, начиная с первых её шагов и до современного состояния, выстроена на зыбком равновесии добрых и злых, положительных и отрицательных начал. Идея возмездия относится к балансирующим устройствам социального мира, и, как всегда считали люди, средством усиления добра и ослабления зла. Она потеряет смысл только в том случае, если человечество станет неспособным различать добро и зло, погрязнет в этическом релятивизме, скептицизме, безразличии, неверии в светлые

идеалы, но не дай Бог прийти когда-нибудь к такому состоянию. С падением идеи возмездия наступил бы неизбежный паралич важнейших систем, обеспечивающих общественную жизнь, — политики, нравственности, права, религии, экономики и культуры.

Первым серьёзным воплощением принципа возмездия в истории человечества явился, видимо, институт кровной мести. Эти два явления — месть и возмездие — нередко отождествляются вследствие того очевидного факта, что кровная месть исторически была связана и глубоко проникнута началами возмездия. Против подобного отождествления можно возражать, указывая на то, что по своей функциональной роли в системе первобытных отношений кровная месть была общественным институтом, воплотившим в себе ряд принципов и начал, тогда как возмездность представляет собой один из принципов институционализации кровной мести. Когда человек или коллектив испытывают утрату некоторых жизненных условий, первое, к чему они стремятся, — восстановление утраченного, и лишь во вторую очередь, при невозможности возвратиться к status quo, — они реагируют на источник причинения вреда, стараясь подавить и обезвредить его, а поскольку таким источником выступает другой человек или другой коллектив, то подавление совершается в форме кары, наказания. Удовлетворение пострадавшего субъекта посредством кары тому, кто причинил ему страдание, есть возмездие. Оно обрушивается на виновных разрушителей порядка вещей, который до поры до времени всех устраивал; оно является ответным действием на акт нарушения равновесия в сообществе.

Исходные позиции практики кровной мести связаны, конечно, с идеей возмездия и карой. В общем смысле возмездие (воздаяние) есть акт возвращения к человеку (или коллективу) последствий его добрых и дурных дел. Общая этическая формула возмездия-воздаяния гласит — «добро за добро, зло за зло». Кто сеет добро, тот добро и пожинает; кто несёт зло другим людям, тот зло и получает. Хотя формула возмездия выведена эмпирическим путём, она, строго говоря, не является научной, не имеет позади себя каких-либо естественно-необходимых закономерностей, не выступает как непреложный закон. Возмездие может свершиться или не свершиться, расплата за злодеяние может наступить или не наступить. Тем не менее, люди с древнейших времён и до наших дней истово верят, что всякое доброе дело будет вознаграждено, а зло непременно подвергнется каре. Здесь мы сталкиваемся с этическим ценностным принципом, Божьей заповедью, нормой долженствования, философской конструкцией нормативного плана, без которой трудно себе представить действие множества социальных подсистем, — от организации воспитания юношества до уголовной и пенитенциарной политики. Указанную выше этическую формулу возмездия можно развернуть следующим образом: «воздай доброму добрым по мере его добра, воздай злому злым по мере его зла». В таком случае становится очевидным, что всякое возмездие несёт

в себе свою собственную меру, и эта мера есть не что иное как эквивалент. В идеале воздающее добро и зло должны быть эквивалентными добру и злу, выраженным в начальном элементе нашей формулы.

Решение задач кровной мести с помощью восстановительных мер (возмещения) со временем становилось более предпочтительным, что привело впоследствии к появлению платы за кровь и композиций, возможности отказа от мести и мирному исходу кровной вражды. Под восстановительными мерами, охватываемыми принципом возмещения, мы понимаем сегодня такие явления как реституция, компенсация, репарация, реставрация и т. п. Под реституцией следует подразумевать восстановление утраченного или разрушенного явления в полном объёме, возвращение человека к прежнему социальному и имущественному статусу; репарация — это восполнение статуса в части, подвергшейся нарушению, возмещение ущерба; компенсация означает то же самое, но она применяется в целях выравнивания, подведения статуса пострадавшего человека под общие условия, в которых находятся все другие лица; наконец, реставрация близка к реституции, но больше привязана к прошлому статусу, воспроизводству старых порядков и явлений. Принцип возмещения в структурах института кровной мести чаще всего выражался в актах реституции, компенсации и реже — репарации. Даже плата за кровь не могла быть простым возмещением ущерба, потому что для вреда, связанного с убийством человека, трудно было найти подходящие квантитативные измерители. Смерть близкого родственника для рода и семьи есть горе безмерное, никому из них в голову не приходило исчислять вред от этой трагедии.

Возмездие (или воздаяние) в простом смысле есть возвращение (возмещение) хорошего или плохого тому, кто сделал нечто хорошее или плохое для другого или других. К доброму возвращается доброе, к злому — злое. Возмездие реализуется в обменном отношении особого типа, означает перемещение добра и зла от одних людей к другим, от одной стороны в обмен к другой. Связи между людьми в обществе меньше всего напоминают прямые и параллельные линии, проведённые часто от одного субъекта к другому; напротив, они изломаны и волнообразны, часто прерывисты и незакончены, строго основаны на взаимном учёте действий, т.е. каждый, кто участвует в общественном обороте, что-то в него отдаёт (вкладывает) и что-то из него получает. Кто, как, на каких условиях, извлекает нечто из общественного оборота — это и есть вопросы справедливости.

Ретрибутивизм есть часть современной этики и философии права. За термином «ретрибутивизм» стоят метафизические философские и религиозные учения о неотвратимости возмездия и воздаяния в виде награды за добрые дела по мере заслуг человека в совершении таковых, а также наказания за дурные поступки и преступления по мере вины человека, содеявшего зло. Начала ретрибутивизма лежат в религиях и неотделимы от религиозного восприятия мира. Постижение смысла Божьей награды и Божьей кары есть по-

иск их абсолютной основы за пределами видимого и осязаемого нами мира. Добро есть добро, зло есть зло, независимо от того, как бы они здесь, на земле, не проявлялись, как бы сам человек не воспринимал эти проявления. Людям не дано вторгаться в абсолютное, не могут они смешать и по-своему переделать вечный и неизменный миропорядок, принимая добро за зло, а зло за добро. Дерзновенные попытки вывести процессы творения добра и зла из области действия законов божественного возмездия, «переподчинить» их человеческим, скажем, юридическим законам, всегда ограничены, несовершенны не потому, что люди плохо стараются, а потому, что Абсолют всякий раз напоминает им о себе, требует безусловного уважения. Он, в сущности, ставит склонного к гордыне человека на его настоящее место. В том, что люди постоянно впадают в соблазн преодолеть религиозную метафизику, отбросить абсолютизм в философии (чего стоят в этом отношении усилия позитивистов и неопозитивистов) лежит одна из причин бесконечной этической трагедии человечества, роковых неудач в достижении нравственного идеала.

Существует Божья кара за грехи и злые дела, есть божественная карающая справедливость, величественно развёртывающаяся в мире, действительная сама в себе, не зависимая, не ограниченная волей, стремлениями людей, пытающихся наказывать других людей согласно своим, человеческим, вечно оспариваемым представлениям о каре. И есть чистая и строгая кантовская ретрибутивная справедливость, которая тоже безотносительна ко всякой прагматико-утилитарной мотивации, выражает законы разума, присуща моральным взаимоотношениям разумных существ, живущих на земле. Та и другая справедливость стоят рядом, но все же они у Канта отделены друг от друга, имеют собственные области применения. Божественная справедливость есть трансцендентный принцип отношения человека к Богу, высшему существу, в отношении которого у человека имеются только обязанности и долг, но нет никаких прав. Чистая справедливость у Канта — имманентный принцип отношения одного разумного и свободного человека к другому разумному и свободному человеку.

Подлинный ретрибутивизм, религиозный и философский, в том числе кантовский, метафизичен, укреплён на абсолютном основании. Он отличается от социологических и юридических теорий наград и наказаний тем, что не ищет для них эмпирических, т.е. выведенных из социального опыта, оправданий, тогда как данные теории (их, кстати сказать, тоже иногда называют ретрибутивными) только тем и занимаются, что пытаются определить наиболее убедительные мотивы наград и наказаний, обычно, прагматико-утилитарного порядка. Поиски социологов и юристов ведутся в пределах замкнутой схемы: человек награждает или карает человека, потому что это нужно, полезно, выгодно, оправдано с точки зрения какой-либо поставленной, конвенциально принятой людьми цели. Поскольку подобных целей много, а их комбинации, вообще, не поддаются исчислению, постольку поиски обречены на вечную не-

завершённость, выводы лишены надёжности, конечности, являются спорными и относительными. Но то, что недостаёт научной или по преимуществу научной теории, может быть восполнено, по логике Канта, метафизическим путём. Ретрибутивизм Канта — строго рационалистическое учение о неотвратимости кары, наказания, свободное от теологических приёмов и способов аргументации, но сохранившее их метафизическую направленность. Ретрибутивные категории Канта — это, по существу, секуляризированные теологические понятия кары и наказания, они, во всяком случае, очень близки.

Возмездие и воздаяние суть категории, контролирующие пути и способы достижения справедливости. Если во всеобщем обмене веществ к доброму человеку приходит зло, а к злому — добро, то для преодоления и исправления подобной несправедливости человечество выработало руководящие этические максимы следующего типа: «добро за добро», «зло за зло»; «воздавай добром за добро»; «воздавай злом за зло». Формула возмездия включает меру воздаяния, она выглядит так: «воздавай доброму по мере его доброты»; «воздай злому по мере его зла». На поверхности вещей — это, в сущности, очень простое отношение, а именно обмен действиями, имеющими единую этическую природу, — добрую либо злую. Если зло ответное воздаётся с учётом первичного зла, это возмездие эквивалентное, удерживающее некоторую меру. Возмездие неэквивалентное измерению не подлежит: добро ответное либо слишком малое, либо слишком большое по сравнению с первичным добром, зло ответное либо слишком малое, либо слишком большое по сравнению с первичным злом. Таковы большая награда за незначительные заслуги и суровое наказание за малый проступок.

Неэквивалентное возмездие — несправедливость; это хорошо знали уже древние люди. Существуют разные формы эквивалентного возмездия. Самый простой из них талион «воздавай тем же за то же и в той же мере». В качестве наиболее понятного и бесхитростного вида эквивалентного возмездия талион есть требование равного за равное, «того же самого» за «то же самое». Эта древнейшая форма эквивалента была свойственна архаичной практике кровной мести, когда талион упрощённо понимали как обмен тождественными сущностями. Идеалом являлось полнейшее тождество. Формулу «око за око» нельзя было удовлетворить «обменом» зрячего ока на слепое око, требовалось не только количественное, но и качественное тождество. Основанная на талионе кровная месть пыталась как можно точнее выдержать тождественность намечаемой жертвы ранее убитому родственнику — по возрасту, здоровью, охотничьей или военной сноровке, по социальному рангу. Мстителям, подчёркивают некоторые исследователи, приходилось многие годы ждать, пока в виновном роде подрастёт мужчина, отвечающий по своим качествам убитому. На сына убийцы месть обрушивалась, когда он достигал возраста своего отца на момент совершения им убийства. Некоторые племена своеобразно применяли талион к способам убийства: месть приводилась в ис-

полнение посредством того же оружия, при тех же либо аналогичных обстоятельствах, при которых было совершено первичное убийство[1]. Но такая месть была затруднительной, ибо требовала замедленных действий и расчётов, не всегда уместных в горячих условиях кровной вражды.

Утверждая, что теория возмездия или теория воздаяние (в некотором смысле — это единая теория) имеет корни в древнейших слоях археологии духовных ценностей человечества, мы не можем не отметить известного крена этой теории в сторону сферы действий, где обмен поступками совершается по формуле «зло за зло». Но такова специфика нашего предмета: вражда, насилие, кровная месть, преступление, кара, наказание и т. п. Однако, теория может быть развита и в другом направлении — конструктивного обмена положительными действиями, при котором каждый участник делает нечто доброе для другого. На базе этой теории развивается ретрибутивная справедливость — одна из разновидностей социальной справедливости как её понимают многие в наше время.

Здесь уместно сказать несколько слов о воздаянии, категории ретрибутивной справедливости, которую часто отождествляют с возмездием. Воздаяние есть восстановление затрат и возмещение усилий, т. е. затрат и усилий, которые один человек произвёл в пользу другого. В точном смысле этого слова воздать человеку по делам его значит вознаградить его по заслугам перед обществом и людьми, которым он сделал нечто доброе иногда в ущерб собственным интересам. Любая самоотверженность на поприще добрых дел должна быть вознаграждена, мерилом вознаграждения при этом выступает заслуга. Она показывает, что человек не жалеет усилий, чтобы принести другим людям некоторый, большой или малый объем добра, пользы, что вследствие этого он заслуживает большого или хотя бы малого вознаграждения. Высокая нравственность требует от нас, чтобы мы творили добрые дела без надежды и расчёта на награду, но ретрибутивная справедливость предписывает всем другим людям отвечать на наше добро благодарностью и наградой. Это — их моральный и правовой долг, вопрос их совести. Во всяком обществе практика наград и поощрений является позитивным отражением негативной практики кар и наказаний. Та и другая практика выстраиваются как бы по одной схеме, являются симметричными по отношению друг к другу, могут быть исследованы как две взаимодействующие сферы ретрибутивной (восстановительной) справедливости. В соответствии с библейской традицией понятию «воздаяние» часто придают более широкий смысл, распространяемый и на негативный ряд ретрибутивных категорий. Слова Бога «Мне отмщение и Я воздам» означают, что месть — это тоже воздаяние человеку за творимое им зло, что два библейских термина — воздаяние и возмездие — сливаются в нечто единое. Бог, по словам пророка Иеремии, воздаёт каждому по де-

[1] *Redfield R.* Primitive Law // Law and Warfare. Studies in the Anthropology of Conflict. Ed. by P. Bohanan. N. Y., 1967. P. 12.

лам его, какими бы они не были: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено, кто узнает его? Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности, чтобы воздать каждому по пути его и плодам дел его» (Иер. 17, 9 – 10). Для удобства и последовательности изложения мы используем термин «воздаяние», насколько это возможно, в ряду понятий, выражающих позитивную восстановительную часть ретрибутивной справедливости, а термин «возмездие» относим к соответствующему негативному ряду.

Эти два ряда ретрибутивных понятий: позитивный ряд — добро — воздаяние (возмездие) — польза — награда (поощрение) согласно заслуге; негативный ряд — зло — возмездие (воздаяние) — вред — кара (наказание) согласно вине. Граница между ними проходит через человеческие действия, которые могут быть нейтральными по отношению к добру и злу, трудно поддающимися определению в терминах пользы или вреда. Иначе говоря, все эти категории, отчётливо выраженные по краям ретрибутивной сферы, часто попадают в зону неопределённости, расположенные где-то в её середине. Уверенно пользоваться указанными понятиями мы можем потому, что общество создаёт нормативно-регулятивные системы, нравственные, правовые и иные нормы, упорядочивающие восстановительные процессы в позитивном и негативном смыслах.

В российской общественной науке начала XIX века в отличие от последующего времени проблемы возмездия (воздаяния) ставились довольно часто и рассматривались вслед за Кантом и Гегелем в качестве принципиальной основы наград и наказаний. Уже тогда проявились диаметрально противоположные подходы к данным явлениям. П. А. Сорокин утверждал, например что «принцип возмездности есть общий за он социальной жизни»[1], а Н. С. Таганцев, напротив, не придавал ему универсального значения, сомневался в способности этого принципа составлять основу учения об уголовном наказании[2]. При этом исторический опыт эволюции института кровной мести, который последовательно воплощал в себе идею возмездия, либо не принимался во внимание, либо, как у криминалистов либерального направления, воспринимался как лишнее доказательство того, что понятия мести и возмездия не следует включать в лексикон современной теории уголовного права. В интерпретации П. А. Сорокина принцип возмездия относится к области социальных ценностей, действие которых направлено на удержание общественного равновесия, и это его наблюдение, несомненно, относится к практике кровной мести. О возмездии как ценности выравнивающей (коммутативной, по терминологии Аристотеля) справедливости он со ссылкой на Р. Иеринга высказался так: «Даже самые слова «возмездие» (Entgelten) и «воздаяние» (Vergelten), происходящие от слова gelten (стоить), обозначали предположение равноценности или действительную равноценность. Отсюда слово «Geld» (первоначально

---

[1] *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. — М. , 1992. — С.104.

[2] *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. 2 т. — М. , 1994. — С.67–69.

gelt), то есть, с одной стороны, равноценное (в прямом смысле), с другой же — нечто, по отношению к ценности уравнительное. Социальную организацию возмездия представляет собой гражданский оборот, организацию воздаяния за социальное зло мы встречаем в уголовной юстиции, в воздаянии за социальное благо принимают участие: государство, общественное мнение и история. Поэтому не мудрено, что история обмена и, в частности, «средств обмена» (денег) есть лишь другая сторона обмена злом за зло, и добром за добро»[1]. Понятно теперь, почему П. А. Сорокин придавал столь широкий смысл принципу возмездия: равенство, равноценность и выравнивание, а вместе с ними возмездие и воздаяние, выражают самую суть «общественного обмена веществ» (К. Маркс), движения социальных отношений с их подъёмами и спадами, приливами и отливами.

Близкой к этике и юриспруденции сферой применения принципа возмездности (воздаяния) является распределение наград и наказаний, с помощью которых контролируется и стимулируется мотивация человеческой деятельности в формах обмена и взаимодействия. «Возмездием, — писал известный социолог права Н. С. Тимашев, — мы называем воспоследование за поступком, представляющимся положительным или отрицательным с точки зрения какой-либо системы норм, такой судьбы для совершившего поступок, который является эквивалентом внутреннего достоинства поступка»[2]. Принцип возмездия, во-первых, предопределяет характер ответного действия на некое первичное действие, приносящее кому-либо пользу или причиняющее зло, следовательно, предполагает своего рода отплату добром за добро, злом за зло, во-вторых, устанавливает между первичным и ответным добром, первичным и ответным злом необходимую связь, в рамках которой тот, кому сделано добро в ответ на его добрые поступки, и тот, кому воздаётся злом за его злые дела, получили по заслугам — «каждому своё», в-третьих, подразумевает эквивалентность первичных и ответных действий, которая в разных культурах и в разные времена конкретизировалась в многочисленных формулах — от грубого равенства-талиона (око за око, зуб за зуб, повреждение за повреждение и т. п.) до свободно устанавливаемой равноценности на основе всеобщего измерителя достоинства благ и действий, т. е. денег. Неотвратимость возмездия и вера в него опираются на эмоционально окрашенные переживания, фундаментальные потребности человека выразить благодарность ближнему своему за доброе к нему отношение, и покарать, наказать злодея, отомстить ему за обиду. «Можно прямо говорить о потребности отплатить добром благодетелю и, наоборот, причинить зло человеку, сотворившему зло. Потребность возмездия есть потребность уравнения. Мы тре-

---

[1] *Сорокин П. А.* Указ. соч. — С. 104; *Его же.* Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. — М. , 1999. — С. 151.

[2] *Тимашев Н. С.* Условное осуждение. — СПб., 1914. — С. 303–304.

буем, чтобы понёс зло учинивший зло, мы соединяем одно зло с другим идеей каузальности и представлением заслуженности. Возмездие мы не только встречаем с чувством удовлетворения; мы считаем его чем-то должным»[1]. К этим словам Н. С. Тимашева добавим следующее. Действительно, идея возмездия порождает особую связь между добром и добром, злом и злом, на которой базируются различные системы наград и кар, но это связь ничем не напоминает причинно-следственную (каузальную) связь, существующую в природном, физическом мире. Она есть нормативное явление. В сознании и психологии возмездия первичные и ответные действия, выражающие добро и зло, связываются нормой, которая предписывает последствия добрых или злых поступков в виде должного поощрения или должной кары, наказания. Эту связь можно назвать нормативной.

Наиболее наглядные в истории кровной мести изменения затрагивали карающую сторону принципа возмездия. Условно можно предположить (хотя для этого, честно говоря, нет достаточного эмпирического материала), что в глубокой древности первобытные группы, сталкивающиеся в кровном конфликте, не были связаны мерой при нанесении ответного удара обидчикам. Они понимали возмездие как необходимость достойно ответить на вызов врага, обрушить на него кару настолько сильную, насколько хватит им сил и смелости. Вспомним библейскую песнь Ламеха, в которой он похвалялся воздавать врагам не в семикратном размере, как велел Бог, а «в семьдесят раз всемеро». При таком умонастроении кара могла быть несоразмерной обиде — убийство за лёгкий ушиб, поголовное уничтожение рода за похищение женщины и т. п. Убийство одного человека могло стать поводом военного похода или нападения на виновный род врасплох, жертвой которых становилось множество людей, а иногда и весь род, от мала до велика. Не исключено, что некогда возмездие предполагало ставку на полное или частичное (это уж как получится!) истребление или ослабление рода противников. Если вражда не прекращалась на стадии кровной мести, она могла перерасти в войну, а это для многих кровнородственных коллективов означало путь взаимного истребления и гибели. В сознании первобытного человека карой являлись все несчастия, посланные богами, сверхъестественными силами, все бедствия, причинённые разъярённой стихией, и всякое насилие, учиняемое человеком над человеком.

Люди знали, что кара насылается свыше за какие-то грехи и проступки, что она может прийти неожиданно в любой момент, принять ужасающие размеры, которые невозможно предсказать заблаговременно. Стоит лишь слегка вывести окружающий мир из равновесия, например, нарушить пищевые табу или брачные запреты, как обрушиваются на человеческие группы и отдельных индивидов беды, болезни, громы и молнии, пожары и наводнения,

[1] Там же. — С. 304.

неукротимая ярость людей и зверей. Когда человек почувствовал, что он может быть источником кары для врагов, нанёсших ему обиду, он перенёс свои представления о стихийных бедствиях и «казнях» на карательную санкцию за злые поступки, придав ей безмерный характер. По сути своей кара в человеческом обществе неотвратима, неограничена и беспредельна; она может в зависимости от обстоятельств иметь любую степень жестокости вплоть до полного подавления, уничтожения преследуемых лиц. Даже в современном обществе понятие кары часто употребляется как синоним «репрессии» (от латинского слова repressio — подавлять), именно поэтому оба термина — кара и репрессия — приобрели в наше время устойчивый негативный смысл. Настоящая цель кары и карательной политики — уничтожение либо нейтрализация лиц или организаций, представляющих источник опасности для определённого доминирующего социального субъекта. В древности таковым считал себя каждый родовой коллектив, и потому он не сомневался в своём праве карать обидчиков. На этой основе развивались самые жёсткие формы кровной мести. Впоследствии древняя карательная практика породила такой крупный социальный и нравственный институт как наказание, но прежде чем это произошло, сама кара подверглась некоторому упорядочиванию на основе принципов и правил возмездия, ограничивающих её стихийный и случайный характер. Одновременно предпринимались попытки смягчить роковую неотвратимость кары, создать условия и нормы, при которых виновные могли бы избежать мести, добившись примирения с кровниками.

В обыденном словоупотреблении и среди специалистов термины «кара» и «наказание» нередко используются как тождественные. Для этого имеются некоторые основания. В своём институциональном качестве кара и наказание относятся к единому классу социальных явлений, выражающих идею возмездия в её простом, изначальном виде. Кара и наказание относятся к той стороне возмездия, которая предписывает воздавать «злому — злым». Люди и режимы предпочитают вуалировать связь между карой и, особенно, наказанием с понятием мести, полагая, что месть недостаточно благородный мотив для уголовной политики государства. Подобная маскировка наивна, ибо, связь кары и наказания с местью исторически и логически самоочевидна. Кара и наказание являются реакцией на обиду, злой поступок, преступление, деструктивную деятельность, которые угрожают субъекту, причиняют ему боль и страдание, ставят его в дискомфортные условия. Интенсивность соответствующих переживаний определяет исходные позиции участников отношений, связанных с применением кар и наказаний. «Всякая кара состоит в наложении на преступника страданий и лишений», — писал П. А. Сорокин[1]. Современное уголовное право утверждает, что в том же самом состоит и наказание, так что рассматриваемые понятия едины по своей социо-психологической субстанции. «Не только кровная месть, но и все формы наказа-

[1] *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество… — С. 82.

ния — от самых примитивных до самых совершенных — являются выражением мести»[1]. Кроме того, кара и наказание представляют вместе с тем реакцию одного субъекта (общества, коллектива, индивида) на вредные и опасные для него действия либо деятельность другого субъекта с целью устранения источников опасности, связанных с поведением последнего. Иначе говоря, это — реакция одних людей на деструктивный образ действия других. Карая и наказывая кого-то за уже совершенные вредные поступки, люди стремятся не столько восстановить разрушенное, вернувшись к изначальному состоянию (для этого у них есть другие институты), сколько пресечь опасную деятельность, исключить продолжение или повторение вредных действий, подавить, ослабить их источники, предупредить появление их в будущем. Идея кары и наказания появилась из естественного желания людей обеспечить условия своего безопасного существования, оградить себя от случайностей и актов произвола, которыми изобилует общественное и индивидуальное бытие. Далеко не всякая реакция на внешнюю опасность способна принять форму кары или наказания, но только та, которая основана на идентификации источника опасности с действиями, деятельностью либо самой личностью преследуемого субъекта. Это требование означает, что карать и наказывать с полным основанием можно лишь того, чьи поступки, действительно, привели к вредным последствиям, чьё поведение, действительно, является источником опасности, иными словами, кто виновен в причинении вреда, нарушении равновесия.

Любая система наказаний, основания на чистой идее восстановления нарушенного (реституция, репарация), в сущности, очень ограничена, ибо имеет дело лишь с последствием, а не причинами нарушений или преступлений. Обнаружить подобную ограниченность эмпирическим; путём было не трудно, именно из практики возникла задача не только восстанавливать нарушенное равновесие, но и предотвращать возможность самого нарушения. Кара как установка наказания на подавление, уничтожение виновного субъекта или разрушение (полное или частичное) его жизненных условий и возмездие как соизмеримая с тяжестью проступка кара, безусловно, отвечали одной задаче, создавая сложный психологический климат вокруг преступления и преступника. Кара и возмездие дали внутригрупповой репрессии то, что сделало её наказанием в полном смысле этого слова, а именно — сознание тяжести и страх перед нею со стороны членов группы. Правовые санкции становятся последним и решающим аргументом в пользу социально одобренного поведения там, где моральные и религиозные доводы исчерпаны или просто игнорируются.

© Мальцев Г. В. , 2012

[1] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М. , 1994. — С. 238.